

В. О. ПЕЛЕВИН. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО**Д. В. Нечепуренко***Южно-Уральский многопрофильный колледж, Челябинск*

В статье раскрывается отличие произведений В. О. Пелевина от творчества русских писателей-классиков, указывается на преемственность стилизованных черт и тем, объясняется новаторство в освещении проблемы поиска русским человеком Пути; даётся толкование типичной пелевинской категории «пустота», описание доминирующей философии писателя.

Ключевые слова: В. О. Пелевин, дзэн-буддизм, Н. В. Гоголь, новаторство, пустота, традиции, Ф. М. Достоевский.

Продолжая мысль С. Корнева о том, что «Пелевин, на самом деле – идейно, содержательно – никакой не постмодернист, а самый настоящий русский классический писатель-идеолог, вроде Толстого или Чернышевского» [4], хотелось бы сопоставить творчество В. О. Пелевина с наследием Н. В. Гоголя. Это не удивительно, учитывая какое влияние оказал Гоголь на русскую литературу, что, как известно, отмечал ещё Ф. М. Достоевский. Рассматривая проблему характерологии творчества В. О. Пелевина, мы уже отмечали близость взглядов на функции литературы у Пелевина и, например, Чернышевского, Писарева, Рубакина [6]. Что касается сравнения с Гоголем, то мы не можем не заметить и формальные признаки сходства этих писателей. Гоголь также был мастером прозаических произведений небольшого объёма (повести), широко использовал такие приемы, как ирония, сатира, юмор, гротеск. Стилизованная манера Пелевина очень похожа на гоголевскую в «Невском проспекте», «Записках сумасшедшего». Более того, можно обнаружить у Гоголя типичный «пелевинский» приём – метаморфозу: в повести «Невский проспект» главный герой неожиданно для себя оказывается в борделе. Это явилось следствием его искажённого восприятия случайной незнакомки [3. С. 182]. У обоих писателей высок интерес к религии, мистическому. Гоголь, как и Пелевин, очень «разный» писатель, оба писателя в своём творчестве легко движутся от смехового к трагическому, поднимая серьёзные социальные и политические проблемы.

Сравнения Пелевина с Гоголем уже встречались в критике: Джейсон Коули, Б. Парамонов и др. [7; 12]. Мы также усматриваем сильное стилизованное влияние Н. В. Гоголя на В. О. Пелевина. Но указанные критики называют Пелевина «Гоголем в некоем облегченном варианте». Мы же считаем, наоборот, что невозможно не заметить сложность большинства произведений В. О. Пелевина. Это касается, в первую очередь, и философской концепции писателя, поэтики его произведений. Подробное изучение творчества В. О. Пелевина, его героев в частности может показать, что сходство В. О. Пелевина с Гоголем, большей частью, внешнее, так как различны их философские концепции. Вполне естественно, что русская литература движется вперёд, осваивает новые горизонты, веяния культуры и науки. И В. О. Пелевин в этом смысле оригинален.

Мы предполагаем, что писатель предложил русской литературе и читательской публике то новое, чего не могли в силу исторических причин предложить Гоголь, Достоевский. Возможно, кризис в поиске русским человеком Пути был ярко показан самой историей второго тома «Мёртвых душ». Творчество Пелевина демонстрирует новый для русского человека, весьма сложный, поиск Пути, исправления, другую концепцию понимания правильного личного устройства жизни и устройства мира в целом. Описание личного видения Истины, анализа своего сознания, достигшего этого видения, затруднено самой природой человека, которая ограничена, далеко не совершенна. По-

этому некоторые части пелевинского произведения остаются непонятыми (неописанными) до конца, до полной ясности. Особенно это касается философских рассуждений о смысле жизни, душе, устройстве сознания, ума, а также воспроизведения в тексте произведения автобиографического «мистического» опыта. Что касается трудностей точного понимания произведения, то Пелевин касается тонких и сложных в психологическом плане вещей и понятий. Например, любовь можно описать как некое ослепление или как нечто восхитительное, возвышенное, либо как результат действия многочисленных гормонов, но только для того, кто не испытал любовь, такие описания могут дать совершенно превратную картину подобного чувства, это справедливо и по отношению к описанию таких феноменов, как просветление, смысл жизни, Бог, истина сознание, душа, ум.

«...Он спокойно положил флейту на пол и обернулся. Я тут же напружинила свой хвостик, сосредоточив в его верхушке весь свой дух, и тогда произошло нечто совсем для меня новое и неожиданное. Вместо податливого шипучего студня, которым моему хвосту представляется человеческий ум (тут бесполезно объяснять, если нет личного опыта), я не встретила вообще ничего» [9].

Писатель демонстрирует особое восприятие и понимание мира и делится им со своим читателем. Средний читатель, безусловно, не может не почувствовать при чтении произведений Пелевина его интеллектуальное превосходство. Для писателя идеальна следующая стратегия мышления: при анализе окружающей действительности человек испытывает внутренний покой, созерцание, что обычно нехарактерно для обывателя, современного человека вообще. Идеальный же тип свободен от эмоциональных и интеллектуальных помех любого рода, от иллюзий, которые и образуют современное привычное «осквернённое» сознание. Его ум спокоен и прозрачен, и человек осознаёт, что окружающий его предметный мир всего лишь иллюзия; все феномены этого мира – создание разума. «Вот ты второй год по лабиринту бежишь, – заговорил Петя, – а ты думал когда-нибудь, на самом он деле или нет? Понимаешь, – сказал Петя, – если фигурка давно работает в Госснабе, она почему-то решает, что это она глядит в монитор, хотя она всего лишь бежит по его экрану... Эта игра так устроена, что дойти до принцессы может только нарисованный принц» [10]. Видение действительности просветлённым человеком трансцендентно, бинарность категорий исчезает, совпадают познающий и познаваемое, субъект и объект. Всё это составляет высокоразвитый тип человека, идеал, к которому нужно стремиться, чтобы полнее воспринимать мир, видеть истину и заблуждение. «Поэтому можно рассматривать рога изобилия, решетку сейчас, лабиринтсепаратор и прошлое с будущим в качестве разных участков одного и того же непрерывного маршрута, по которому на самом деле никто не идет» [11]....

– И да и нет. С одной стороны, сверхооборотень с самого начала в Радужном Потоке. А с другой стороны, он никогда не сможет в него войти, потому что Радужный Поток – просто иллюзия. Но противоречие здесь только кажущееся, потому что ты и этот мир – одно и то же.

– Ага, – сказал он. – Интересно. Ну, давай дальше.

– Сверхооборотень – небесное существо. Небесное существо никогда не теряет связи с небом.

– Что это значит?

– В этом мире нет ничего, кроме пыли. Но небесное существо помнит про свет, который делает пыль видимой. А бесхвостая обезьяна просто пускает пыль в глаза себе и другим. Поэтому, когда умирает небесное существо, оно становится светом. А когда умирает бесхвостая обезьяна, она становится пылью [9].

«И свет, и тень, и штангенциркуль являются колебаниями, но относятся к разным частотным областям. Дифракция – то есть огибание светом препятствий – с точки зре-

ния чистого вибрационализма равнозначна интерференции... Вибрационализм разгромил догмы, так называемой физики, по которым складываться могут только колебания одной частоты» [10].

Из приведённых отрывков видно влияние буддизма или дзэн-буддизма (чань-буддизма) на творчество писателя. «Получается, что критикам, ругающим “Поколение П”, антропософия интереснее Андрея Белого. Критиков можно и не принимать в расчет, но соблазн в том, что сансара и карма самому Пелевину подчас интереснее литературы. Ибо зачем так подробно писать о светлячках Мите и Диме и в сотый раз напоминать, что свет, который мы видим, от нас же исходит... [7]»?

Подчеркнём, что речь идет о художественном эффекте, организованном автором в дидактических целях. Как известно, читатель, читая произведение, порой отождествляет себя с главным героем. На внешнем, развлекательном уровне произведения Пелевина читатель остаётся в своём привычном в реальной жизни бытовом типе мышления, как правило, достаточном для полного понимания классического русского (европейского) или западного произведения литературы. Но если брать более глубокий уровень, философию произведения В. О. Пелевина, то перед внимательным и думающим читателем открывается особая художественная реальность. Здесь он понимает и испытывает намного более глубокие и серьёзные чувства, решает свои личные и вечные проблемы, а не просто получает удовольствие от лёгкого, весёлого, увлекательного чтения, информирования.

Авторская задача представляется нам так: в конечном понимании человек осознаёт, что всё, испытываемое нашим сознанием как феноменальный мир, в действительности пусто. Конечная реальность, являющаяся пустотой, воспринимается «обывательским» сознанием как феноменальный мир ввиду загрязнения нашего разума. Такие философские воззрения излагали виднейшие философы Древнего Востока (Бодхидхарма, Авалокитешвара, Люй Дунбинь). В. Пелевин: «Буддизм меня привлекает еще и потому, что помогает очистить голову от мусора современной жизни. Я терпеть не могу всю эту шумиху, она отвлекает меня от работы» [8]. «Очистить голову от мусора...» – именно это он и предлагает читателю своих произведений, включая в них дзэн-буддизм. Осознав, что элементы, составляющие индивидуальность: форма, чувства, мысленное восприятие, сознание (психическая активность) – пустотны, человек обретает освобождение от привязанности к собственному «я», и тем самым достигается понимание того, что «я» на трансцендентном уровне нереально. Освободившись от собственного «я», всего привычного, бытового, что всегда принималось за единственно истинную реальность, человек становится одним целым с Высшей Реальностью, с по-настоящему реальной природной действительностью, с истиной, становится «естественным», гармоничным.

Как минимум, Пелевин заставляет задуматься. Некоторые считают, что у Пелевина нет веры в Бога или в существование души, многие называют творческую концепцию писателя путаницей, к тому же сам Пелевин каждый раз может заново придумывать художественный образ-схему устройства мира и человека. Однако, на наш взгляд, никакой путаницы у Пелевина нет. Он достаточно ясно и точно отвечает на вопросы различных тематик. «Я вовсе не собираюсь утверждать, что моя трактовка единственно правильная, но мне эта книжка с первых же страниц напомнила нечто горячо любимое – все эти сборнички дзэн-буддистских коанов – “Застава без ворот”, например. Есть некий герой-ученик – Петр Пустота, Петька – и есть масса учителей – в одном мире Чапаев, в другом главврач психушки. И между учеником и учителями постоянно идёт диалог. Как и Сократ, дзэнские учителя старались, чтобы ученик сам дошёл до истины – думать можно только самому. Вся разница – Сократ старался расшевелить рассудок ученика, а дзэн-буддисты – “абсурдок”. В переводе на западный язык коан – это парадокс. Перед человеком внезапно выпрыгивает стена абсурда, он разбивает об неё лоб, и если он при этом разбивает лоб настолько сильно, чтобы пробиться на ту сторону – он пробивается

на ту сторону» [1]. М. Визель также отмечает, что кроме В. О. Пелевина дзэн-буддизм в русской литературе обнаруживается, например, у В. Шинкарева в «Максими и Фёдоре», в творчестве певца Б. Гребенщикова. С. Кузнецов также указывает на дзэн-буддизм у Пелевина: «Отношение к авторитетам самого Пелевина ближе к тому же дзэн-буддизму, в котором непочтительное обращение с изображением или именем Будды только подчёркивает верность его учения» [5]. Произведения Пелевина учат читателя постигать предмет одновременно с разных сторон, тогда как обыденному знанию (линейному интеллекту) свойственно одностороннее восприятие и понимание. Цель – постижение трансцендентальной и феноменальной сторон реальности, формирование определённого типа личности.

Вспомним художественный образ-модель устройства человека в «Шлеме ужаса», описание Вселенной в «Затворнике и Шестипалом». Космическая реальность бесконечна, вечна, неизменна, вездесуща и всеведуща. В своём трансцендентальном она неделима и неразличима. Это означает, что всё наличествующее в ней является целостным единством. Здесь нет каких-либо различий, либо обособленности между «мной» и «вами», между данной книгой и читателем, который её читает (философия «Принца Госплана», «Шлема ужаса»), между субъектом и объектом, между познающим и познаваемым. Вспомним Сашу Лапина из «Принца Госплана». Поиск пелевинского героя сопровождается пробуждением естественного начала, снятием многочисленных психических stop-пов, мобилизацией многогранных возможностей (человека). Осознав же своё место в мире, постигнув его единство, относительность добра и зла, противоположностей в целом, он обретает душевное равновесие и покой. Считая, что законы жизни (игры) постигнуты, а в основе истины заложена идея Пустоты (Принцесса оказалась манекеном с тыквой вместо головы), просветлённый Саша отказывается от мысли об изменении этих законов: его заботит лишь правильное следование естественному ходу вещей. Именно поэтому Саша в конце повести (компьютерной игры) решает не выходить из игры, так как это его игра. В основу существования фигурки и Саши (человека) заложена идея Пустоты. Сумма действий и вещей фигурки и Саши равна нулю, то и каждая вещь мнима, ноль, поэтому не имеет смысла – фигурка – это Саша, или Саша – это фигурка. Субъект приравнивается к Вселенной, Высшей Истине. Пространственный символ такой модели – круг (Саша не вышел из игры, заново её запустил). В других произведениях обнаруживается та же идея, но иначе реализованная в художественном плане.

Для понимания характеристики Пелевина большое значение имеет понятие «пустота». Что оно может обозначать? Есть предположение, что понятие «пустота» может относиться к буддийскому положению об отречении от мирских удовольствий и материальных благ. Но философ Вон-Кью-Кит из буддийского монастыря Шаолинь находит, что в действительности в буддийском учении не говорится ничего против верующих мирян, вкушающих законные радости и блага, хоть им и советуется не потворствовать человеческим слабостям [2]. Говорится ли всерьёз у Пелевина об аскезе? Нет. Если и говорится, то опять же с иронией, гротескно. Вспомним способ просмотра Гиреевым телевизора в «Generation 'П'» и само изображение писателем этого персонажа. Пустота в данном случае не означает полного отсутствия, «отречения», «нигилизма», точнее будет сказать, что это отсутствие феноменов. Иными словами, писатель не требует от личности ничего запредельного, кроме ясного сознания, здоровой, железной логики, чтобы адекватно воспринимать мир, несмотря на многочисленные преграды, наносный информационный мусор. Для самоусовершенствования от человека не требуется ни ратных подвигов, ни самопожертвования, ни, тем более, ухода в монастырь. Человеку не следует искать высшее и божественное вне себя, поскольку все люди изначально носители этой природы и являются её частью, состоят из одного и того же «строительного материала», что и предполагаемое высшее (природа, Бог, Будда). Пелевин обращается к мировым

религиям, даже мистицизму, чтобы найти смысл жизни и объяснить его устройство. В своём творчестве писатель демонстрирует то, что говорится в Евангелии, но, возможно, с непривычной стороны: «...не следует искать Царства Божия вне вас. Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть» (Евангелие от Луки, 17, 20–21). Эта идея отчётливо прослеживается в романе «t»: **Оптина пустынь, образы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Учитывая схожесть всех мировых религий, их обращение к человеческой душе, обратимся к восточным: ислам, суфизм, буддизм. В исламе основой человеческой жизни считается рух – дух Божий; в индуизме атман внутри (человека) – выражение Брахмана, Всеобщего Духа. Что предлагает Пелевин взамен всех религий, ни одной не отдавая предпочтения? Он считает, что человек, обладающий полноценным видением, постигнув реальность, неотъемлемой частью которой он является, понимает, что она неразличима. Хотя Бог, которого у Пелевина заменила категория истины, постоянно является объектом размышлений главных героев, здесь едва ли найдутся традиционные «восхваления» в его адрес. Он нейтрален, словно это некая научная теория об устройстве мира, закон о космическом порядке вещей. Достижение рая на небесах не является целью в концепции писателя, несмотря на наличие в его творчестве темы «спасения». Поскольку нравственная чистота – это всего лишь естественное условие, предваряющее духовное развитие, то и совершение благих дел – не самоцель, поэтому и не предмет для изображения в пелевинском произведении, если они и имеют место быть, то о них упоминается вскользь, главному герою можно их вообще не совершать, так как главное – внутренняя работа над собой. Можно сколько угодно заниматься благотворительностью, построить несколько храмов, но при этом остаться духовно недалёким человеком.**

Список литературы

1. Визель, М. Легко ли не быть Пелевиным? [Электронный ресурс] / М. Визель // Сайт творчества Виктора Пелевина. – URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-legko/1.html>.
2. Вон, К.-К. Энциклопедия дзэн [Текст] / К.-К. Вон ; пер. с англ. – М. : Фаир-пресс, 1999. – 400 с.
3. Гоголь, Н. В. Повести [Текст] / Н. В. Гоголь – М. : Сов. Россия, 1986. – 368 с.
4. Корнев, С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим?: (Об одной аванюре Виктора Пелевина) [Текст] / С. Корнев // Новое лит. обозрение. – 1997. – № 28. – С. 244–259.
5. Кузнецов, С. Василий Иванович Чапаев на пути воина [Текст] / С. Кузнецов // Коммерсантъ-Daily – 1996.
6. Нечепуренко, Д. В. О философских предпосылках и цели творчества В. О. Пелевина [Текст] / Д. В. Нечепуренко // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 53. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 11 (226). – С. 95–98.
7. Парамонов, Б. Пелевин – муравьиный лев [Электронный ресурс] / Б. Парамонов // Сайт творчества Виктора Пелевина. – URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-svob/1.html>.
8. В. Пелевин: история России – это просто история моды [Электронный ресурс] // Газета.Ru. – URL: <http://www.gazeta.ru/2003/09/02/viktorpelevi.shtml>.
9. Пелевин, В. О. Священная книга оборотня [Текст] / В. О. Пелевин – М. : Эксмо, 2007. – 384 с.
10. Пелевин, В. О. Синий фонарь [Текст] / В. О. Пелевин – М. : Текст, 1991. – 317 с.
11. Пелевин, В. О. Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре [Текст] / В. О. Пелевин – М. : Открытый мир, 2005. – 224 с.
12. Cowley, J. Gogol a Go-Go [Электронный ресурс] / J. Cowley // The New York Times. – URL: http://www.nytimes.com/2000/01/23/magazine/gogol-a-go-go.html?ref=victor_pelevin&pagewanted=1.

V.O. PELEVIN. TRADITION AND INNOVATION

D. V. Nechepurenko

Южно-Уральский многопрофильный колледж, Челябинск. dsyan@yandex.ru

The article explains the difference between fiction of modern writer Pelevin and Russian classical writers, indicates the continuity of style features and the fact explains innovation in the problem of finding a Russian people Way; interprets typical Pelevin's category "emptiness", a description of the dominant philosophy of the writer. The author shows that ideas of Pelevin's books are strict connected with Russian literary tradition but at the same time Pelevin uses very special way of communication with his readers. The Zen tradition dominates, as the author confirms.

Keywords: V.O. Pelevin, Zen Buddhism, N.V. Gogol, innovation, emptiness, traditions, F.M. Dostoyevsky.

References

1. Vizel', M. *Legko li ne byt' Pelevinyum?* [=Do not be easy Pelevin?], available at: Sayt tvorчества Viktora Pelevina, <http://pelevin.nov.ru/stati/o-legko/1.html>, accessed at 24.02.2014 (in Russ.).
2. Von, K.-K. (1999), *Entsiklopediya dzen* [=Encyclopedia of Zen], per. s angl., Fair-press, Moscow, 400 p. (in Russ.).
3. Gogol', N. V. (1986), *Povesti* [=Tales], Sov. Rossiya, Moscow, 368 p. (in Russ.).
4. Kornev, S. (1997), "Stolknoveniye pustot: mozhnet li postmodernizm byt' russkim i klasicheskim?: (Ob odnoy avantyre Viktora Pelevina)" [=The Clash of voids : Can be Russian postmodernism and classical? : (On a gamble Victor Pelevin)], in: *Novoye literaturnoye obozreniye* [=New Literary Observer], N 28, pp. 244–259 (in Russ.).
5. Kuznetsov, S. (1996), *Vasilii Ivanovich Chapayev na puti voina* [=Vasily Chapaev at the warrior's way], in: *Kommersant-Daily* (in Russ.).
6. Nechepurenko, D. V. (2011), "O filosofskikh predposylkakh i tseli tvorчества V. O. Pelevina" [=On the philosophical assumptions and objectives of Pelevin's creativity], in: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University], vyp. 53, Filologiya. Iskuststvovedeniye, N 11 (226), pp. 95–98 (in Russ.).
7. Paramonov, B. *Pelevin – murav'inyy lev* [=Pelevin as an ant' lion], available at: Sayt tvorчества Viktora Pelevina, <http://pelevin.nov.ru/stati/o-svob/1.html>, accessed at 24.02.2014 (in Russ.).
8. *V. Pelevin: istoriya Rossii – eto prosto istoriya mody* [=History of Russia as just a fashion history], available at: Gazeta.Ru, <http://www.gazeta.ru/2003/09/02/viktorpelevi.shtml>, accessed at 24.02.2014 (in Russ.).
9. Pelevin, V. O. (2007), *Svyashchennaya kniga oborotnya* [=Sacred Book of the Werewolf], Eksmo, Moscow, 384 p.
10. Pelevin, V. O. (1991), *Siniy fonar'* [=Blue streetlight], Tekst, Moscow, 317 p.
11. Pelevin, V. O. (2005), *Shlem uzhasa. Kreatiff o Teseye i Minotavre* [=Helmet of horror. Kreatiff of Theseus and the Minotaur], Otkrytyy mir, Moscow, 224 p.
12. Cowley, J. Gogol a Go-Go, in: *The New York Times*, available at: http://www.nytimes.com/2000/01/23/magazine/gogol-a-go-go.html?ref=victor_pelevin&pagewanted, accessed 24.02.2014 (in Russ.).